

Карина Левитина

Thomas Matza. Shock Therapy: Psychology, Precarity, and Well-Being in Post-socialist Russia. Durham, NC: Duke University Press, 2018. 328 pp. ISBN 9780822370611.

Карина Левитина, факультет социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: ЕУСПб, Гагаринская ул., 6/1, лит. А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. klevitina@eu.spb.ru.

Книга «Шоковая терапия: психология, прекарность и благополучие в постсоциалистической России» написана по результатам многолетних исследований американского антрополога Томаса Матца. Цель работы – изучить произошедший в начале XXI века психотерапевтический поворот на постсоветском пространстве. Обращаясь к фукианской оптике, автор исследует распространение психотерапевтических практик, с одной стороны, как черту биополитики путинского режима, с другой – как практику создания нового постсоциалистического субъекта через новые техники себя. Матца задается вопросом: в чем состоят особенности создаваемого терапевтическим поворотом российского неолиберального субъекта?

Для «Шоковой терапии» Матца использует качественные данные, собранные в течение двух периодов его жизни в России: с 2005-го по 2007-й и с 2012-го по 2013-й. К таким данным относятся, во-первых, глубинные интервью с психологами и психотерапевтами разных школ и поколений, работающими по различным методикам. Некоторые из его информантов работали в психиатрических учреждениях в советские времена, некоторые пришли в профессию уже при Владимире Путине. Во-вторых – материалы включенных наблюдений в частных и государственных организациях, предоставляющих услуги психологов. Кроме того, автор прибегает к анализу документов (например, рекламных материалов с выставки «Планета детства»), а также популярных радиопередач на психологическую тематику.

Большое достоинство книги в том, что автор возвращается к своим информантам и местам наблюдений через несколько лет и описывает произошедшие с ними за эти годы трансформации. Выбирая столь широкий спектр объектов для анализа, Матца пытается представить максимально полную картину психотерапевтического поворота в постсоциалистической России, и это у него хорошо получается.

В названии книги присутствует игра значений. Первое значение словосочетания «шоковая (электросудорожная) терапия» – основной метод лечения ментальных расстройств, применявшийся до изобретения эффективных фармакологических средств, таких как нейролептики и антидепрессанты. Несмотря на то, что данный метод до сих пор иногда используют в терапии тяжелых клинических случаев (Райли 2018), в массовой культуре он ассоциируется с негуманными формами лечения, прямыми физиологическими, иногда калечащими, воздействиями, способами скорее не лечения пациента, а причинения ему боли. Например, именно так электросудорожная терапия представляется в известных романах «Под стеклянным колпаком» Сильвии Плат и «Пролетая над гнездом кукушки» Кена Кизи.

В постсоветском контексте словосочетание «шоковая терапия» вызывает ассоциации с распространенными до сих пор представлениями о карательном характере психиатрии, которая не только не помогает пациентам, но существует именно для принудительной нормализации инакомыслящих (например, диссидентов). Любое обращение к психиатру приводит к постановке на учет, а значит, к краху карьеры и дальнейшей стигматизации. Эти представления до сих пор заставляют россиян опасаться обращений за психиатрической помощью (Лебедев 2018*).

Второе значение сочетания «шоковая терапия», о котором Матца упоминает в книге, отсылает нас к экономическим реформам, проводившимся в России в 1992–1998-х годах и направленным на создание условий для формирования рыночной экономики (с. 20). Радикальный характер этих реформ привел к увеличению классового расслоения среди россиян. В качестве одного из последствий образовавшегося расслоения Матца приводит становление психологических практик как одного из инструментов для создания различных типов субъектности, характеризующих лиц с разным социальным положением.

Итак, уже из названия становятся понятны основные мотивы-измерения книги: психологическое, экономическое, социальное. Первая часть книги под названием «Прерванная биополитика» посвящена истории развития и существования психологии в Советском Союзе. Прделанная автором работа по ее критической систематизации может пригодиться другим исследователям психологии и психиатрии в качестве хорошего фактологического материала.

Лейтмотив исторической части – попытка ответить на вопрос, имела ли место в СССР разговорная терапия. Это важно для того, чтобы понять, насколько новыми являются для российского контекста рассматриваемые в книге психотерапевтические практики 2000-х и как проследить их генезис. На основе проанализированного исторического материала, а также интервью с начавшими свою карьеру в советские времена психологами Матца показывает, что, несмотря на институциональные запреты и ограничения, разговорная терапия все это время существовала благодаря личному энтузиазму отдельных специалистов.

Согласно Матце, к психологии как к научной дисциплине в СССР в разные годы относились абсолютно по-разному, и, соответственно, она находилась в различных институциональных условиях. Если в 1920-е годы прикладная психология характеризовалась достаточной свободой для экспериментов и среди ее адептов бытовал большой интерес к психоанализу, то ко второй половине 1930-х были введены серьезные ограничения. Во-первых, произошел переход от изучения бессознательного и субъективного к проблемам материальной нервной системы. Главным научным авторитетом стал Иван Павлов. Во-вторых, разговорная психология приобрела вторичную, вспомогательную роль по отношению к более материалистической психиатрии. Кроме того, Матца подчеркивает, что введенный в 1936 году одновременно с разгромом педологии запрет на психологические те-

* Данный материал опубликован в интернет-издании Meduza. По решению Минюста РФ Meduza включена в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента.

стирования был связан с тем, что результаты, свидетельствующие о разных уровнях интеллектуальных способностей у детей, противоречили заявлению Иосифа Сталина о наступившем социализме, подразумевающим хотя бы относительное равенство способностей (с. 44–48).

Автор видит корни российского терапевтического поворота в 1980-х, когда в рамках перестроечной политики была предпринята попытка либерализовать школьное образование и распространить более индивидуальный, чем прежде, подход к обучающимся. Новой эпохе был нужен новый гражданин. Важную роль в этом процессе должны были сыграть психологи, которые разрабатывали необходимые для индивидуализации методики тестирований и проводили такие тесты (с. 59). Итак, Матца приходит к выводу о том, что запрещенные Сталиным психологические тестирования были возвращены потому же, почему и были запрещены: с целью дифференциации граждан по способностям, во многом зависящим от социального положения. И эта разница, выражающаяся в том числе и в образовательном неравенстве, со временем будет только усиливаться.

Вторая часть книги называется «(Не)соизмеримость», она построена на сравнительном сопоставлении частных и государственных психологических организаций, работающих с детьми, то есть, очевидно, занимающихся созданием субъектов нового типа. В качестве частной организации автор выбирает центр, занимающийся психологическим образованием. Одно из основных направлений деятельности центра – организация выездных лагерей, которые Матца посещает лично. Сотрудники лагеря не скрывают, что работают с очень обеспеченной публикой. Автору бросается в глаза, что лагерные педагоги и психологи воспроизводят классический неолиберальный дискурс, направленный на создание нового субъекта, одновременно нацеленного на успех и эмпатийного.

В качестве бюджетной государственной организации Матца выбирает муниципальный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи для детей, расположенный в неблагополучном районе Санкт-Петербурга. Для описания работы государственной психологической помощи в России автор вводит термин «прекарная забота», потому что в *ненадежном* положении находятся и сотрудники, и дети из неблагополучных семей, с которыми они работают. Этот кейс резко контрастирует с предыдущим: вместо дискурса успеха и развития здесь доминирует дискурс патологизации и дефектности, что указывает на *несоизмеримость* (таково и название главы книги) видов деятельности бюджетных и частных психологических организаций на всех уровнях.

Отсюда можно сделать, на мой взгляд, главный вывод для всей книги: классовое неравенство в современной России приводит к неравенству даже в таком вопросе, как создание субъектности. Детей из неблагополучных семей нужно исправлять, а не прививать им навыки будущих лидеров. Главное различие выражается в отношении к будущему: частные детские лагеря ориентируют детей на успех и развитие, а центры сопровождения транслируют пессимистичный взгляд на ребенка как на что-то изначально испорченное, заранее определяемое как «неблагополучное».

Тематика третьего раздела понятна из названия – «В поисках политического». Автор развивает уже фигурировавшую в книге мысль о месте политического компонента в психологическом дискурсе. Казалось бы, очевидно, что рассматриваемые психологические техники направлены на создание субъектности нового типа, однако в процессе анализируемых тренингов не было практически никаких прямых разговоров о политическом, поэтому данный сюжет потребовал отдельного исследования.

Первая часть этого раздела – результат наблюдения за популярной в 2000–2010-х годах психодраматической практикой «системной расстановки» в одном из тренинг-центров. Здесь Матца вводит термин «психосоциальность» (psychosociality), описывающий сложившуюся в терапевтической группе форму общности и солидарности (с. 173). В технике «расстановки» используются такие категории, как «гармония», «душа», «энергия». Их можно рассматривать как метафоры для описания социальной и политической реальности, отображающие те установки участников тренингов, через которые они выражают свои тревоги и желания, связанные с социальными проблемами в их жизни. Платить за психотерапию значит платить за участие в практиках, через которые можно почувствовать долгожданное единение с другими, восполнить свою потребность в безопасности, что, конечно, очень важно в случае российского общества, имеющего травматичный опыт перестроечных трансформаций.

В следующей главе объектом для поиска политического в психологическом оказывается популярная радиопрограмма «Взрослым о взрослых» Михаила Лабковского, которая в течение восьми лет транслировалась по радио «Эхо Москвы» и была закрыта в 2012 году в связи с принятием закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Анализируя радиопрограмму «Взрослым о взрослых», Матца обращает внимание на центральный для Лабковского концепт «самооценки» как на неолиберальную политическую технологию (с. 205) и связывает транслируемый передачей психологический дискурс с параллельно происходящими процессами приватизации и монетизации социальных льгот. Отвечая на вопросы слушателей (среди которых представители разных поколений), ведущий постоянно делает акцент на том, что если человек не ценит сам себя, то и от окружающих уважения он не добьется. Соответственно, в первую очередь нужно учиться любить себя и выстраивать личные границы. Разумеется, это все напоминает неолиберальную этику, в соответствии с принципами которой каждый человек – хозяин своей жизни и все зависит от принятых им решений. В контексте противоречивых экономических трансформаций, ситуации массовой прекарности и надежд на политическую стабильность сейчас подобная риторика кажется, скорее, виктимблеймингом.

Несмотря на то, что «Шоковая терапия» вышла в 2018-м, описываемая в ней реальность кажется одновременно очень знакомой и очень далекой. Рассматриваемый в книге психологический дискурс успел сильно трансформироваться за прошедшие годы, став еще популярнее, о чем, например, свидетельствует распространение таких терапевтических концептов, как «здоровые отношения», «абьюз», «токсичность» (Иваницкая 2021).

На мой взгляд, в связи с этими трансформациями было бы особенно интересно посмотреть на поколение повзрослевших детей 2000-х, воспитанных на том психологическом дискурсе, о котором пишет Матца. Например, при помощи глубинных интервью изучить опыт повзрослевших участников детских психологических лагерей и подопечных муниципальных центров сопровождения с городских окраин и на основе этого продолжить разговор о сформированных терапевтическим поворотом в России новых типах субъектности.

Итак, в «Шоковой терапии» автором представлена целостная картина появления и развития психотерапевтической культуры в постсоветской России. Добавлю, что, помимо интересной теории, самостоятельной ценностью обладают фотографии в книге, а также авторская рефлексия над опытом наблюдения, данная практически в дневниково-художественной форме, – в интерлюдиях между основными частями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иваницкая, Александра. 2021. «Внимание, опасно: что такое токсичность и почему все о ней говорят». Theory & Practice, 2 июня. <https://theoryandpractice.ru/posts/19063-vnimanie-opasno-chno-takoe-toksichnost-i-pochemu-vse-o-ney-govoryat>.
- Лебедев, Виктор. 2018. «Что будет, если я пойду к психиатру? Меня поставят на учет? А могут госпитализировать без моего согласия? Важные вопросы о правах людей с психическими расстройствами». Meduza, 13 августа. <https://meduza.io/feature/2018/08/13/chno-budet-esli-ya-poydu-k-psihiatru-menya-postavyat-na-uchet-a-mogut-gospitalizirovat-bez-moego-soglasiya>.
- Райли, Алекс. 2018. «Почему мы напрасно боимся лечения электрошоком». BBC News, Русская служба, 13 мая. www.bbc.com/russian/vert-fut-44087922.